

Синяева Татьяна Геннадьевна, Логачёва Марина Ивановна

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА НА УРОВНЕ ДИСКУРСА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/54.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-154. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81'367

*Татьяна Геннадьевна Синяева, Марина Ивановна Логачёва**Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара*ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА НА УРОВНЕ ДИСКУРСА[©]

Как известно, традиционные грамматики английского языка при описании синтаксиса ограничивались уровнем одного или нескольких предложений, как правило, заимствованных из художественной литературы или придуманными авторами трудов. Этого было вполне достаточно для того, чтобы вывести грамматику на уровень текста. При коммуникативном подходе предложение не может рассматриваться в качестве основной единицы анализа дискурса, прежде всего, потому, что оно является категорией языка как системы, рассматриваемой в отрыве от реального функционирования. В связи с этим некоторые лингвисты считают, что основной единицей является структурный коррелянт предложения - т.е. высказывание, содержательные характеристики которого соответствуют конкретной ситуации.

По мнению некоторых исследователей языка, минимальной единицей может быть высказывание особого рода, структурно соответствующее сложносочиненному предложению, поскольку в нем прослеживается наличие «равнопорядковых предикаций», приводящее не к «внутриграмматическому единству, а к единству второго уровня, т.е. объединению самостоятельных высказываний».

Высказывание в том понимании, как указано выше, может рассматриваться лишь в качестве минимальной структурной единицы вербального общения, поскольку любой завершённый речевой обмен состоит из сочетания отдельных (как минимум двух) реплик участников дискурса.

Адекватное понимание любого речевого фрагмента требует гораздо большего, чем анализ его структуры: нужна информация об участниках данного коммуникативного акта, обстановке, мотивациях говорящего и слушающего, уровне владения речью и т.п. Другими словами, структурно-синтаксические особенности могут быть выявлены лишь на основе комплексного анализа относительно законченного речевого произведения, коммуникативного акта. Но в данном случае нас интересует не дискурс вообще, а разговорный дискурс, т.е. законченные речевые произведения.

За единицу анализа разговорного дискурса обычно принимается фрагмент реального дискурса. Специфика разговорного синтаксиса на этом уровне материализуется и в плане содержания, и в плане выражения, и в плане использования предпочтительных структур. Она так же просматривается и в плане различий способов развертывания речевой цепи.

Что касается содержания, разговорный дискурс тяготеет ко второй составляющей следующих логико-содержательных оппозиций: общее/частное; абстрактное/конкретное; известное/неизвестное, новое; информативно-насыщенное/информативно-разреженное и т.п.

Характерной особенностью реального разговорного дискурса является относительно невысокий уровень информативности высказывания. Информативная разреженность разговорного дискурса становится еще заметнее при сопоставлении его с регламентированным письменным дискурсом.

Если пользоваться определением русских исследователей разговорной речи, так называемый «рваный синтаксис» присущ большинству неподготовленных речевых высказываний.

С точки зрения традиционного синтаксиса некоторые структуры устных высказываний являются нарушением нормы, свидетельством неадекватного владения литературной речью. Именно с таким построением речи у учащихся ведут борьбу школьные и университетские преподаватели грамматики. Однако, в современном видении, описываемые структуры вполне нормативны. Они соответствуют требованиям, которые предъявляются к неподготовленной речи. Поэтому описываемые структуры могут быть «пустыми» лишь с точки зрения Standard English Grammar, в разговорном дискурсе они несут существенную смысловую нагрузку, являясь отражением внутреннего психологического состояния говорящего, вступающего в неподготовленный речевой контакт с собеседником. Другое дело, когда вместо фразы «I want to see you» используется конструкция «I wanna see you», относящаяся к внелитературному просторечью. Появление подобных фраз в ходе речевого контакта на фоне литературной речи сигнализировало бы либо о том, что говорящий - носитель социального диалекта, либо о преднамеренном стилистическом снижении речи образованным человеком с целью выражения иронии.

Конечно, существует категория людей, которые безупречно владеют речью, в том числе и неподготовленной, в любой ситуации, классическим примером которых, по свидетельству современников, был британский писатель Оскар Уайльд. Однако такой уровень владения неподготовленной речью обладает далеко не каждый.

С точки зрения содержания высказывания уровень речевой компетенции не обязательно увязан с информативностью и с упорядоченностью сжатия и разрежения информации. «Гладкая речь» нередко бывает малоинформативной, а если к тому же она выдерживается в монотонном ключе, или, наоборот, в «патетической» тональности с высоким уровнем громкости, она не стимулирует непринужденный речевой обмен.

Главные содержательные синтаксические особенности вытекают из самой непринужденной, недостаточно подготовленной и продуманной литературно-разговорной речи, которая с одной стороны, отличается некоторой неоднородностью структуры, повторами, и т.п., а с другой стороны - некоторой степенью недосказанности, ограниченности языкового репертуара, поскольку все это компенсируется обстановкой высказывания.

Противоположные тенденции, а именно: стремление говорящих к избыточности и компрессии к импровизации и т.п., скорее всего являются полярными, экстремальными параметрами. В реальных коммуникативных актах они не всегда четко прослеживаются: между ними проявляется целый набор промежуточных образований, а тенденции к избыточности и компрессии существуют в рамках одного и того же дискурса.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Ладыженская Б. Я. Особенности организации устной спонтанной речи: автореф. М., 1985.
3. Carrel O. Toward a performance grammar. Lnd., 1981.
4. Goodwin Ch. Conversational organization interaction between speakers and hearers. N.Y., 1981.
5. Lakoff R. L. Psychoanalytic discourse and ordinary conversation. Wash., 1983.

УДК 81'366.587

Татьяна Дамировна Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В СЛАВЯНО-РУССКОМ ПРОЛОГЕ XVI ВЕКА[©]

Христианство открыло Руси, по слову митрополита Иллариона, мир *Пакибытия* во всей его полноте - мир Божественной Вечности. Вечность - «... это не бесконечность времени, а совсем другая реальность» [5, с. 30]. Если Вечность – это не другое ощущение времени, а **другая реальность**, то попытки достичь понимания Вечности не могли не отразиться в **языковой модальности**. Тем более, что эта иная реальность **нерукотворная**, Реальность Надмирного Творца: «То Царство, в котором свершает себя Литургия, - это «Царство Отца и Сына и Святаго Духа» (именно с этих слов начинается православная Литургия). У входа в это Царство, в самом начале Литургии, <...> диакон тихо говорит священнику: «Время сотворити Господеви»... Время, когда творит Бог... Мы входим в нерукотворную Реальность» [2, с. 349]. Модальность прежде всего выражается формами глагольных наклонений. Рассмотрим одно из них – императив – на материале славяно-русского Пролога 16 века (исследуемый памятник хранится в Фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского).

Пролог уникален как в аспекте языка, так и в аспекте жанрового состава: одной своей стороной он обращён в прошлое – в повествование, а другой стороной – в будущее, туда, где ожидается совершение, исполнение того, чему учит **назидательная** часть этой книги [3, с. 40]. Неслучайно поэтому то, что в Прологе **очень активен глагол во всех своих временных и модальных формах**. У каждого повествовательного фрагмента Пролога, кроме темы, есть и сверхзадача - мотивировать читателя или слушателя сделать креативный шаг в будущее, сотворить новое будущее, помня при этом опыт прошлого. В этом смысле Пролог отражает закреплённый в языке **вектор приложения творческой силы этноса** – от прошлого через настоящее в будущее, причём с подчёркнутой императивностью. Аппеллятивность не только собственно учительных, но и житийных, повествовательных фрагментов Пролога отличает последние от просто агиографических описаний-образцов [Там же, с. 42]. Это неудивительно: сопоставление различных редакций Пролога позволяет сделать вывод о том, что хронологически первыми в этой книге были как раз учительные тексты, а житийные добавлялись позднее, причём первоначально они были отделены от повествовательных, составляли своеобразное приложение [Там же, с. 50]. Исследователи подчёркивают особое место, занимаемое Прологом в древнерусской культуре, обусловленное **актуализированной назидательностью этой книги**. Если первоначально в Пролог включались только агиографические отрывки, а учительные фрагменты при этом входили в своеобразное приложение, то впоследствии социальная роль Пролога конкретизируется: фрагменты книги, имеющие воспитательный и наставительный характер, оказываются рассредоточенными по дням года так же, как и фрагменты житийного характера, а последние получают подчёркнутую воспитательно-назидательную направленность. Достаточно быстро выйдя из церковного употребления, Пролог стал неотъемлемой частью домашнего и келейного досуга - книгой, более популярной, чем Синаксарь в Византии [Там же, с. 51]. **Назидательность Пролога стала его наиболее яркой коммуникативно-целевой установкой** [1, с. 294; 6, с. 357].